

Российская академия наук

Институт славяноведения и балканистики

Международное рекламное-информационное агентство
«Русская пресс-служба»

Международный фонд югославских исследований
и сотрудничества «Славянская летопись»

ЗНАКИ

БАЛКАН

Часть II

Москва
«Радикс»
1994

ЭМПИРИЧЕСКАЯ СЕМИОТИКА КУЛЬТУРЫ
НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЛОВИЦ

с использованием результатов пробного опытного
изучения известности хорватских пословиц

1. Введение: простые формы литературы и культуры

Если мы согласимся с предположением, что "культура начинается с мелочей", из этого последует вывод, важный для семиотики культуры: благодаря анализу т.н. "мелких", или "простых", форм культуры можно понять и более сложные знаковые феномены и вообще сущность культуры. Кроме того, методологические принципы, сформированные при изучении простых форм, можно перенести на описание культуры в целом (ср. Grzybek 1991c).

В литературоведении такой подход не нов. Его можно связать в первую очередь с вышедшей в 1929 г. книгой Андре Жоллеса "Простые формы". Жоллес считал своей главной целью дать точное определение предложенного Якобом Гриммом романтического разграничения т.н. "естественной" и "художественной" поэзии, согласно которому отличительной чертой "естественной поэзии" является ее "самодельность", а "художественной" — "приготовленность". Жоллес стремился, по его собственным словам, "определить форму", что позволило бы точнее сформулировать общее понятие "естественной поэзии". Для этого он исследовал отдельные простые формы: легенды, предания, мифы, загадки, изречения и т.д. и возводил их к т.н. "духовным занятиям".

Сегодня следует безоговорочно согласиться с критическими оценками труда Жоллеса: его книга "была до сих пор всё же скорее привлекательной, нежели проясняющей" (Mohr 1956, с. 321). В последнее время появились различные обоснования такого взгляда (ср. Kanó 1981, с. 74 сл.; Grzybek 1984, с. 215 сл.; Wenzel 1990; Fleischer 1991):

1) рассуждения Жоллеса — особенно когда он говорит о "духовных занятиях" — опираются на устаревшую метафизическую

концепцию языка: они отсылают, если угодно, к "божественному языку", так что обратный путь к эмпирическому изучению поэтики оказывается закрытым;

2) все в совокупности рассмотренные Жоллесом "духовные занятия" и вытекающие из них простые формы представляют у него замкнутую систему, причем множество элементов этой системы произвольно ограничивается и их выбор не обосновывается.

Однако в некоторых случаях у Жоллеса появляется возможность понять простые формы как праформы более сложных: например, когда он находит "духовные занятия", лежащие в основе загадки или легенды, в современном детективном рассказе или в спортивном сообщении (Jolles 1929, с. 48 сл., 106). Если мы решим последовать в направлении, указанном Жоллесом, то это окажется возможным только тогда, когда будут устранены названные выше методологические недостатки. Как кажется, имеет смысл прежде всего понять простые формы, реализуемые в той или иной культуре, как определенные тексты-образцы, составляющие в принципе открытую систему. Это предположение позволяет затем признать, что из анализа этих простых форм можно вывести конечный набор правил, которые служат основой для порождения как других простых текстов-образцов, так и более сложных культурных текстов и, следовательно, культуры в целом.

Организованный таким образом анализ простых форм позволяет не только прояснить структуру самих простых форм и показать их роль как структур, лежащих в основе более сложных текстов, о чем уже не раз говорили (ср. Grzybek 1983, 1988, 1989b; Wenzel 1990). Он позволяет, сверх того, — как мы попытаемся показать в нашей работе, — получить методологическую парадигму для описания в широком смысле слова культурных текстов и для изучения культуры в целом. Как можно создать подобную парадигму, мы рассмотрим на примере простой формы — на пословице. Однако помимо чисто теоретических вопросов следует обсудить также проблемы, связанные с эмпирическим подходом, который может служить парадигмой эмпирической семиотики культуры. Это эмпирическое направление также будет связано с пословицей как примером простой формы, и основывается оно прежде всего на паремиологических работах Г.Л.Пермякова.

Как можно будет увидеть дальше, пословица никоим образом не является произвольно выбранным примером; напротив, в культурном контексте она представляет собой особый текст-образец, что определяет ее роль в построении искомой нами парадигмы. Разумеется, решение такой задачи предполагает уже существующее определенное понимание культуры (даже если в контексте настоящего сборника это выглядит так, будто кто-то собрался в Тулу со своим самоваром).

2. Культура и семиотика культуры

Если вместе с московской и тартуской семиотическими школами понимать под культурой иерархию и функциональную корреляцию используемых в социуме знаковых систем, то при первом приближении следует представить культуру как совокупность "текстов". Однако, как отмечают в связи с этим Лотман и Успенский (1971, с. 861), правильнее говорить о культуре как механизме, который создает эту совокупность текстов, и о текстах как реализации культуры. В этом случае культура из аддитивного или интеррелятивного конгломерата текстов превращается в абстрактный механизм (в своих поздних работах Лотман говорит также о "генераторе"), особенности которого, однако, могут быть вскрыты лишь при анализе соответствующих культурных текстов.

Понятие "текст" употребляется здесь в самом широком (семиотическом) значении: не каждое высказывание на естественном языке представляет собой текст с точки зрения культуры, но, с другой стороны, понятый таким образом термин "текст" может относиться не только к сообщениям на естественном языке, но и к любым явлениям культуры. Для того, чтобы текст можно было рассматривать как "культурный текст" в указанном выше семиотическом смысле, он должен обладать определенной культурной функцией и следовать определенным правилам порождения — это условие применимо в принципе ко всякой семиотической системе.

Любую семиотическую реализацию, которая отвечает этим условиям, можно определить как "текст", причем все эти тексты существуют не независимо друг от друга, но согласованы друг с

другом и образуют комплексную систему.

Главный вопрос здесь — какую природу имеют эти правила порождения, определяющие, можно ли считать данное явление "культурным текстом". В "Тезисах к семиотическому изучению культуры" Лотман и др. (1973) указывают на то, что модели мира и их фрагменты конструируются с помощью т.н. "вторичных моделирующих систем", так что и культура может быть в конечном счете определена как "вторичный язык". Согласно Иванову и Топорову (1965), это конструирование происходит благодаря ряду основных оппозиций (в "Тезисах..." 1973 г. идет речь о "культурообразующих семиотических оппозициях"), которые либо находятся друг с другом в отношении синонимии, либо служат символами более высоких оппозиций; в последнем случае отдельные оппозиции можно рассматривать как различные реализации основной оппозиции.

Этой основной оппозицией, непосредственно связанной с прагматическими задачами коллектива, является противопоставление *позитивного* и *негативного* для коллектива и индивидуума. Согласно Иванову и Топорову, основная оппозиция реализуется в ряде специальных оппозиций, которые можно распределить по группам. Иванов и Топоров (1974, с. 259 сл.) выводят в общей сложности 78 таких определяющих оппозиций, для которых постулируется универсальная значимость. При этом совершенно не обязательно, чтобы каждая из этих оппозиций актуализировалась в любой культуре — важный фактор специфики культуры заключается в выборе из универсального запаса, а следующий фактор состоит в способе корреляции актуализированных оппозиций.

Порожденные на основе этих оппозиций (или описанные с их помощью) модели мира устанавливают правила поведения для индивидуума и для коллектива; коллектив контролирует накопление и передачу этих моделей, равно как и способ обучения им людей, причем особое внимание обращается на гомогенность и непрерывность моделей. Для этого важно, чтобы культура производила соответствующие тексты. Здесь является экономичным, чтобы те или иные стереотипные тексты, позволяющие в готовой форме передавать модель культуры, не создавались каждый раз заново (ср. Grzybek 1990).

На этом фоне особое значение приобретает вопрос о минимальных моделях, которые были бы способны выполнить эти функции. Лотман, рассматривая проблему минимальной модели художественного текста и культуры в целом, обращается к метафоре. Эту точку зрения по разным соображениям можно подвергнуть сомнению. В частности, в этом случае метафора получает особый онтологический статус, выделяющий ее из всех прочих знаков; но тем самым отрицается принципиальная семиотическая однородность, которую Лотман в остальном признает. Если идти дальше по пути, предложенному Лотманом, следовало бы понять каждый знак как гомоморфную микромодель культуры (ср. Grzybek 1989a, с. 13 сл.; 1991 a, b).

Здесь можно сделать довольно существенное возражение: один отдельный знак не способен моделировать ситуацию. Это можно обосновать исходя из системно-теоретических соображений: системы, состоящие из одного отдельного знака, определяются как "несобственные системы". На этом фоне особую эвристическую значимость приобретают пословицы, которые М. Черкасский назвал в 1968 г. "минимальной единицей надязыкового семиотического уровня" — эту точку зрения позднее убедительно обосновал Пермяков в теоретических работах по семиотическому статусу пословицы.

3. К семиотике простой формы — пословицы

Пословицы, согласно Пермякову (1979 а), можно отделить от разного рода фразеологизмов на том основании, что последние являются знаками отдельных концептов (напр., "заяц" в значении "безбилетный пассажир"), в то время как пословицы и пословичные выражения служат "знаками ситуаций или отношений между объектами". Это предположение Пермяков сделал центром и стержнем своей логико-семиотической классификации пословичных оборотов, исходя при этом из двух важных наблюдений.

Первая посылка касается т.н. "политематичности" пословиц; она основана на том факте, что пословица (как, напр., *Одна ласточка весны не делает*) может с равным правом употребляться в самых разных контекстах: с ее помощью можно сказать, напри-

мер, что одна выигранная битва — это еще не победа в войне; что успех какой-либо партии на выборах сам по себе еще не влечет смены правительства; что одним найденным грибом не наполнить горшка и т.д.

Если первое наблюдение касается того факта, что одна и та же пословица может употребляться в самых разных (если вообще не в любых) ситуациях, то второе заключается в том, что различные пословицы можно использовать в похожих или одинаковых ситуациях. Лучше всего это видно при сравнении пословиц, принадлежащих разным культурам: например, если по-русски говорят *На безрыбье и рак рыба*, то по-армянски вместо этого — *Если нет лошади, сойдет и осел*, а по-китайски — *Когда нет дорошей киношари, оценишь и красное ж.*

Если собрать вместе эти сами по себе совершенно тривиальные мудрости, то станет ясно, что и конкретные пословичные тексты, и ситуации, в которых они употребляются, могут варьироваться. Однако следовало бы принять за инвариант определенную моделированную ситуацию, которую можно реконструировать на первой ступени абстракции и затем описать посредством языка. В примере с ласточкой такая инвариантная ситуация касалась бы отношений между признаком вещи и самой вещью, а второй пример можно передать как "Если какой-либо необходимой вещи нет под руками, то ее может заменить другая, пусть даже она и не обладает всеми особенностями первой". Естественно, точное понимание инвариантного смысла непосредственно зависит от степени абстракции выбранного метаязыка, который оказывается фактором, вызывающим семантическую неопределенность пословицы.

Теперь появляется возможность вывести из анализа пословиц искомую нами парадигму. Пермяков выделяет для описания инвариантного смысла пословиц четыре логических инварианта, которые он в общих чертах характеризует следующим образом:

IA) каждая вещь обладает определенным качеством или свойством (напр., *Работа делает жизнь сладкой*);

IB) если есть одна вещь, то есть и другая (*огонь, тал и дым*);

IIA) отношения между свойствами вещей зависят

между самими вещами (напр., *По работе и плата*);

IIВ) взаимная связь между вещами зависит от наличия у них определенных свойств (напр., *Лучше силица в руке, чем журавль в небе*).

Эта в целом очень дифференцированная логико-семиотическая классификация дополняется, кроме того, тематической классификацией. Здесь необходимо вкратце остановиться на трех примерах, которые относятся к инварианту IA: 1) *Нет дыма без огня*; 2) *Нет розы без шипов*; 3) *Нет реки без берега*. Несмотря на внешнее (языковое) и логическое сходство между ними эти изречения существенно различаются в тематическом отношении: первое касается неразрывной связи между причиной и следствием, во втором случае речь идет о том, что нет добра без изъяна, а третье изречение указывает на то, что не существует целого без его обязательных частей.

Пермяков описывает это тематическое "наполнение" с помощью семантических оппозиций того типа, который мы рассматривали выше в культурно-семиотическом аспекте, ссылаясь на Иванова и Топорова. После анализа ок. 50 000 пословиц более чем из 200 культур Пермяков (1979b) составил "универсальный тематический список", включающий в себя ок. 600 оппозиций. Однако, согласно Пермякову, достаточно семидесяти шести из этих оппозиций, чтобы охватить все анализируемые им пословицы. Мы помним: Иванов и Топоров говорят о 78 универсальных (культурообразующих) оппозициях, которые выступают у Пермякова в качестве "инвариантных тематических пар". Из этих 76 пар шестьдесят четыре являются т.н. "элементарными парами" (такие, как "добро" — "зло", "много" — "мало" и др.), а остальные двенадцать указывают на различия между "элементарными парами" (напр., "количество" — "качество" и др.)

Особое значение исследований Пермякова для общей семиотики культуры очевидно: выходя за пределы идей Иванова и Топорова, Пермяков не только показывает функционирование определенных культурных (культурообразующих) оппозиций в тексте-пословице, но, вводя самостоятельную логическую классификацию, существенно уточняет обозначенные выше правила построения культурного текста.

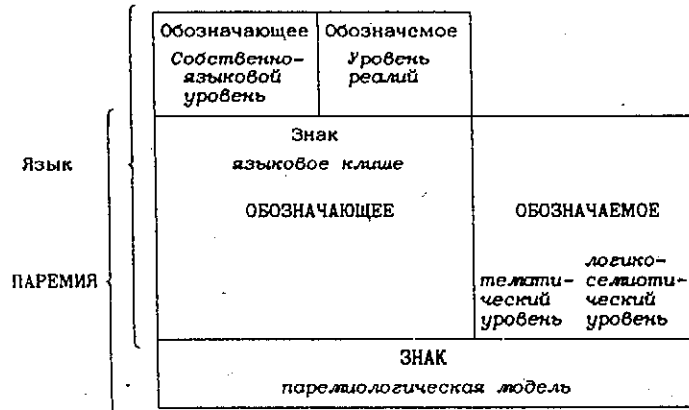
Теперь необходимо поместить наши рассуждения в более широкие теоретические рамки, — прежде чем мы обратимся к эмпирическому обоснованию семиотики культуры, которое будет вытекать из этих рассуждений.

4. Пословица как "культурный текст"

Для этого вновь следует отталкиваться от сущности пословицы. Как оказывается, пословицу можно рассматривать как "минимальную модель" художественного текста (согласно Лотману) и, таким образом, как "вторичную моделирующую систему" (ср. Grzybek 1984, 1986, 1987, 1992). Здесь идет речь не об уровне денотации, а об уровне коннотации: как и любой художественный текст, пословица создает "свою особую систему денотатов, которая является моделью мира денотатов в общезыковом значении" и, следовательно, "изображением одной реальности в другой, т.е. переводом" (Lotman 1970, с. 81, 317).

Можно обратиться к рассуждениям Ельмслева и Р.Барта, представив их в виде следующей схемы:

Рис. 1

Приведенная здесь в качестве примера культурного текста модель пословицы показывает, что собственное (культурное)

значение поговорки раскрывается на втором — коннотативном — уровне сигнификации. При этом можно выделить "тематический" и "логический" компоненты. Тематический компонент представлен в форме культуuroобразующих семантических оппозиций, как это известно из других работ по семиотике культуры. Логический компонент, однако, в значительной степени остался в этих работах без внимания, и обращение к нему является заслугой Пермякова — хотя, конечно, если учитывать весь в целом культурный процесс, то следует признать, что мысли о последующих логических операциях иногда возникала (ср., напр., "формулу мифа" у Леви-Стросса и др.).

Представленную схему можно затем перенести на двухосевую модель языка, которую защищал Р.Якобсон (1960), хотя, разумеется, эту модель — как, впрочем, и *грамматику поговорочной мудрости* Пермякова — нельзя считать *генеративной* моделью. На этом фоне мы могли бы привести наши соображения, касающиеся общего описания культурных текстов. Здесь мы укажем на некоторые из этих соображений:

Рис. 2

Парадигма			
2-й сигни- фикативный уровень	1-й сигни- фикативный уровень		
логическ(ая/ие) трансформаци(я/и)		микроструктуры	синтагма
		суперструктуры	

Проецируя эту схему на вопрос, который мы рассматриваем, можно изложить ее следующим образом: в парадигматической плоскости следует разграничить два уровня сигнификации; в денотативную плоскость можно поместить определенный набор специфических культурных метафор, общественных символов и пр., которые связываются в коннотативной плоскости с особым образом структурированным множеством семантических (культурообразующих) оппозиций.

В особой *трансформационной* плоскости стоило бы показать

лежащие в основе соответствующих культурных текстов логические структурные формулы, которые необходимо выделить из парадигмы, поскольку они служат для логической связи между членами парадигмы. Сюда можно поместить как логические инварианты Пермякова, так и предложенную Леви-Строссом структурную формулу мифа.

На *синтагматической* оси следовало бы разграничить по меньшей мере два уровня, которые условно можно обозначить как "микроструктуры" и "суперструктуры". Микроструктуры включают в себя специфические для соответствующей первичной системы (в случае с поговоркой — естественного языка) синтагматические операции. В литературоведении обычно рассматриваются такие элементы, как рифма, ритм, метр и др.; эти элементы можно брать каждый раз из особого парадигматического инвентаря. Суперструктуры, со своей стороны, — это абстрактные структуры, в основном не зависящие от содержания (напр., нарративные структуры), которые проявляются в различных семиотических системах и при определенных условиях могут становиться общепринятыми. Однако в случае с поговорками, которые, как правило, не выходят за рамки одного предложения, эти структуры обычно не активизируются.

Высказанные здесь соображения и представленная модель, которая выведена из анализа "простых форм", касаются прежде всего *семантического* аспекта семиотики культуры; следовало бы также разобрать ее прагматический и синтаксический аспекты, чтобы сохранить постулируемое Ч.Моррисом (1938) "единство семиотики".

Поэтому теперь мы обратимся к эмпирическому обоснованию приведенных соображений.

5. Культурно-семиотические импликации паремических минимумов

Как уже было сказано выше, порождение культурой *стереотипных* текстов для передачи важного для нее содержания — это не более чем вопрос экономии, и поэтому тексты не должны производиться каждый раз заново. Однако эти тексты должны быть не

только стереотипными, но и минимальными по своему объему, так чтобы заключенные в них модели могли функционировать с наименьшими издержками. Поэтому пословицы, будучи минимальными культурными текстами, получают особое культурно-семиотическое значение.

Затем возникает более общий вопрос: *какими* должны быть тексты, столь важные в той или иной культуре, что они, во-первых, известны всем, кто принадлежит этой культуре, и во-вторых, способны выполнять свою функцию достаточно долго. Таким образом, исследования паремических минимумов получают особое значение. Эти исследования, ставящие вопрос о том, какие пословицы общеизвестны в определенной культуре, связаны в первую очередь с работами Пермякова, который, впрочем, не рассматривал эти проблемы в указанных выше культурно-семиотических аспектах.

Помимо исследований Пермякова, которые проводились на русском материале, существует также ряд работ, посвященных изучению известности пословиц в различных языках и культурах (ср. Grzybek-Chlosta 1993). Если пока и не установлено достаточно надежно ни одного паремического минимума, то все же ведутся исследования, преследующие эту цель.

Когда эта цель будет достигнута на материале различных языков, одной из центральных задач станет классификация паремических минимумов в соответствии с логико-семиотической системой Пермякова, чтобы затем можно было прийти к синхронному межкультурному сравнительному анализу. Тогда появится возможность установить фактически реализованные во всех этих культурах и общеизвестные логические модели и таким образом дать определение культурно-семиотическому минимуму. Затем можно будет определить факторы, влияющие на знание пословиц, учитывая как относящиеся к тексту, так и лично обусловленные факторы (напр., возраст, пол и т.д.), и отделив активные и *специфические* культурные факторы от значимых и *охватывающих* культуру. И здесь также пословица, выступая как пример текста-образца, помогла бы получить представление о важном процессе передачи культуры.

Однако пока эмпирические исследования не завершены, реше-

ние этих вопросов остается делом будущего. Помимо культурно-семиотических проблем, касающихся синхронии, из соответствующих исследований могут возникнуть также и вопросы, связанные с диахронией. То, как это может произойти, мы покажем на конкретном примере, приведя результаты, которые были получены при опытным изучении известности хорватских пословиц.

6.1. Пробное опытное исследование знания хорватских пословиц

Задача пробного исследования заключается не в том, чтобы получить исчерпывающие результаты, а в том, чтобы в преддверии предполагаемых опытных исследований выработать предварительные гипотезы и подготовить методику работы. В нашем случае пробное изучение служило для подготовки к обширным исследованиям известности хорватских пословиц, которые должны проводиться в рамках Бохумско-Эссенского проекта.

В качестве первого шага было представлено основное для хорватской языковой и культурной области собрание пословиц пяти хорватских диалектов Даничича (1871). В анкету были включены только те пословицы, которые оказались известными хотя бы четверым из пяти опрошенных (либо по крайней мере троим более пожилым). Целью этого шага было уменьшение общего числа пословиц, которых в собрании Даничича было почти 6000, посредством изъятия пословиц, теперь неизвестных. Таким образом, всего осталось 245 пословиц, которые в дальнейшем служили контрольным материалом. Участникам эксперимента предлагалась первая часть каждой из этих пословиц, и опрашиваемые должны были восстановить вторую часть.

Анкеты, на которых были частично представлены тексты пословиц, раздали в Задаре сорока опрашиваемым. Разумеется, при столь ничтожных размерах эксперимента невозможно было получить никаких определенных свидетельств о знании пословиц в хорватской культурно-языковой области.

В опросе участвовало 15 лиц мужского пола (37,5%) и 25 женского (62,5%) в возрасте от 18 до 83 лет. Средний воз-

раст опрашиваемых составлял 35,57 лет при стандартном отклонении 16,10, медиана равнялась 35,5 годам. Все лица жили к моменту опроса в Хорватии; 92,5% из них ($N=37$) провели в Хорватии свою молодость; 92,5% ($N=37$) жили в городе, остальные опрошенные — в деревне. 70% опрошенных ($N=28$) выросли в городе, 30% — в деревне. Из 40 опрошенных: 5% ($N=2$) не имели никакого образования, 10% ($N=4$) закончили начальную школу, 62,5% ($N=25$) получили неполное среднее образование, 5,5% ($N=3$) — среднее, а 15% ($N=6$) имели незаконченное или законченное высшее образование.

6.2. Категории оценки

Для оценки знания пословиц использовались следующие три категории:

- 1) дополнение соответствует ожидаемой форме пословицы;
- 2) пословица не дополнена или дополнена идиосинкразической формой;
- 3) пословица дополнена формой, отличной от ожидаемой (т.е. какой-либо другой пословицей).

В то время как в новаторских работах Пермякова различались только "правильный" и "неправильный" ответы, наши экспериментальные исследования показали, как можно классифицировать типы ответов. На этой основе мы создали (Grzybek-Chłosta-Roos 1993) комплексную систему, которая предназначена для классификации, ориентированной на текст.

Для простоты дела в проводившемся исследовании использовалась вышеупомянутая схема; к ней необходимо сделать некоторые замечания. Чтобы не прийти к слишком ограничительной оценке, мы помещали в категорию 1 также и ответы с определенным размахом вариации, при этом в первую очередь речь шла о диалектно-языковых вариациях, которые не подлежали дальнейшему анализу в рамках нашего исследования. Кроме того, сюда относились также вариации других видов; так, например, лексические вариации, которые не изменяли общего содержания пословицы (напр., *Kakva majka, takva kći/kćer/dijete*),

морфологические вариации (напр., *Kako posiješ, tako požneš/ćeš* [1] *požnjati/znjati/zneti*) или синтаксические вариации (*Poklonjenom konju ne gleda se u zube/ne gledaj u zube*), а также логические трансформации (по Пермякову) (напр., *Odeća [ne] čini čovjeka*) рассматривались как правильные варианты. Однако в эту категорию не включались пародии на пословицы, которые, правда, встречались крайне редко: напр., *Svaka ptica bježi avionom JAT* (вместо *Svaka ptica [k] svom[e] jatu leti*²).

К категории 2 относились такие ответы, которые не имели никакой связи с исходной пословицей и не могли быть истолкованы как варианты либо как альтернативные пословицы; как правило, каждый подобный ответ встречался по одному разу. Уже по этому признаку такие "ложные" ответы можно было отделить от чистых вариантов (т.е. ответов, в которых приводились другие пословицы), помещаемых в категорию 3 (напр., вм. ожидаемого *Nijeđto zlo zato ne dođe* [Даничич, № 3101] форма *Nijeđto zlo nije za zlo*).

6.3. Результаты

6.3.1. Общий результат

Вычисление общего результата базируется на пословицах, которые относятся к категории 1. Среднее значение этих ответов в отношении ко всей пробе составляет $\bar{x}=99,92$ при стандартном отклонении $s=32,49$; таким образом, в среднем в ответах содержится не более 41,63% верных решений. Этот факт, как кажется, подтверждает, что сравнительно грубое на первый взгляд уменьшение содержащегося у Даничича исходного материала, обусловленное тем, что этот материал частично устарел, было вполне обоснованным. Также подтверждается, что простого опроса большего количества лиц отнюдь не достаточно для определения общеизвестных пословиц. И, наконец, видно, что в традиционном наборе пословиц содержится огромное количество таких, которые уже вышли из употребления и по большей части не знакомы носителям нынешней культуры.

6.3.2. Частные факторы

При определении значимости частных факторов, влияющих на степень знания пословиц, следует принять за основу общую сумму возможных правильных решений.

У 15 опрошенных мужчин среднее значение правильных ответов составляет $\bar{x}_1 = 97,13$, у 25 женщин — $\bar{x}_2 = 101,60$. Сравнение двух значений в форме однофакторного анализа дисперсии показывает, что разница между ними незначительна ($F_{1,38} = 0,17$, $p = 0,67$). Если проверить эти результаты, проведя более обширный эксперимент, то можно было бы утверждать, что они совпадают с результатами опытных исследований на немецком материале (ср. Grzybek 1991d, с. 247) и с имеющимися данными о чешском (Schindler 1992, с. 118) и венгерском (Litovkina-Tóthné и др., 1992).

Поскольку только трое из опрошенных жили к моменту исследования в деревне, здесь сложно провести какой-либо сравнительный подсчет. Разница между лицами, выросшими в деревне ($N = 12$, $\bar{x} = 107,00$) и в городе ($N = 28$, $\bar{x}_2 = 96,89$), оказывается незначительной ($F_{1,38} = 0,80$, $p = 0,37$), однако безусловно необходимо подтверждение этих данных в более крупном исследовании. Этот результат также мог бы совпадать с данными, полученными при изучении знания немецких (ср. Grzybek 1991d, с. 248) и чешских (Schindler 1992, с. 120 сл.) пословиц.

От анализа образовательного фактора приходится отказаться, поскольку группы лиц без образования ($N = 2$) и с начальным образованием ($N = 4$) слишком малы, чтобы можно было сделать надежные выводы — даже если собрать их вместе и противопоставить тем из опрошенных, кто имел неполное или полное среднее образование. При этом образовательный фактор, как оказывается, действует в различных культурах по-разному и требует очень тщательного изучения: если в немецкой культурно-языковой области он никак не влияет на знание пословиц, то, как показывают исследования чешского (Schindler 1992, с. 199 сл.) и венгерского (Litovkina-Tóthné и др., 1992) материала, знание пословиц увеличивается у лиц со средним и особенно с высшим образованием. Таким образом, в этой области оказывается

огромное количество вопросов, на которые предстоит ответить в будущем.

Как показывает двухфакторный анализ дисперсии, значимым является возрастной фактор ($p < 0,05$). При этом выявляемое в тесте на линейность отклонение линейности незначительно ($p = 0,89$): другими словами, чем старше опрашиваемые, тем больше они знают пословиц. Этот вывод также согласуется с результатами изучения немецкого (ср. Grzybek 1991d, с. 249 сл.), чешского (Schindler 1992, с. 118) и венгерского (Litovkina-Tóthné др., 1992) материала.

6.3.4. Всеобщее знание

В этом разделе мы рассмотрим вопрос о том, в какой степени предложенные пословицы оказались известными опрашиваемым.

Все без исключения опрошенные знали только четыре пословицы (1,63%). Как уже неоднократно утверждалось, было бы неверно считать общеизвестными только те пословицы, которые знает 100% участвующих в эксперименте. Разумеется, здесь невозможно провести точную объективную границу. Если принять в качестве границы 97,5%, то число пословиц вырастет до 7 (2,85%), если считать нижним пределом известности 95%, то количество общеизвестных пословиц станет равно 15 (6,12%), а если опустить этот предел до 90%, то к разряду известных можно будет отнести 62 пословицы (10,61%).

В целом, однако, следует сказать, что уровень всеобщей известности предложенных пословиц оказывается относительно низким. Для сравнения скажем, что при исследовании немецкого материала, опиравшемся на собрание пословиц Фрея (1970), всем 125 опрошенным было известно 18 из 275 предложенных пословиц (6,54%), и это число возросло до 112 (40,37%), если в него включить пословицы, известные 90% опрошенных (ср. Grzybek 1991d, с. 250 сл.).

Эти результаты лишней раз показывают не только то, сколь осторожным нужно быть, если, не имея достаточных эмпирических данных, различать более и менее известные пословицы, но и как внимательно следует производить предварительный отбор матери-

ала для экспериментальных исследований. Как плохо в целом опрошенные знали пословицы, видно из того, что более трети предложенных пословиц оказалось неизвестно более чем половине участников опыта.

6.4. Дополнительное исследование в Загребе

Как уже было сказано, эксперимент проводился в районе Задара. В дополнительном исследовании предстояло предложить пословицы, степень известности которых превышала 90%, в Загребе, чтобы появилась возможность сравнить самые известные пословицы во внутренней Хорватии и на далматинском побережье. Таким образом можно было бы получить первое представление о проблеме специфического местного и общехорватского знания пословиц.

Для этого выбрали 20 пословиц, которые знало более 90% опрошенных в Задаре, и в неполной форме их предложили 40 участникам опыта в Загребе. В эксперименте участвовало 22 женщины и 18 мужчин в возрасте от 20 до 77 лет ($\bar{x}=36,13$, $s=13,86$) с различным уровнем образования.

Даже и не вычисляя статистическим методом коэффициента соотношения для результатов исследований в Задаре и Загребе, можно отметить, что пословицы, обладавшие самой высокой степенью известности в Задаре, оказались общеизвестными и в Загребе. Таким образом, эти пословицы не являются исключительно далматинскими.

Мы приводим список полученных результатов (сначала указываются данные о знании пословиц в Задаре, затем — в Загребе):

- 1 Duga kosa | kratka pamet. *** 92,5 — 100
- 2 Vuk dlaku mijenja, | ali čud[1] nikad [ne]. *** 100 — 100
- 3 Hvali more, | drži se kraja. *** 95,0 — 100
- 4 Dobar dan se | po jutru poznaje. *** 92,5 — 80,0
- 5 Dan se | po večeri [⇒ jutru] poznaje. *** 82,5 — 90,0³
- 6 Kako posiješ, | tako ćeš [1] [po]ž[n]jeti. *** 92,5 — 95,0
- 7 Kakva majka, | takva i kći [kčer]. *** 92,5 — 95,0

8 Koliko ljudi, | toliko čudi. *** 97,5 — 100

9 Na [kroz] jedno uho ulazi | na [kroz] drugo izlazi. *** 100 — 95,0

10 Kruška ne pada | daleko od stabla. *** 92,5 — 97,5

11 U laži su | kratke noge. *** 100 — 95,0

12 Kako dođe, | tako i [pr]ođe. *** 90 — 97,5

13 Svaka ptica | [k] svome jatu leti. *** 92,5 — 97,5

14 Što trijezan misli, | to pijan govori. *** 95,0 — 92,5

15 U muci | se poznaju junaci. *** 90,0 — 100

16 Tko visoko leti, | nisko pada. *** 100 — 100

17 Tko drugomu jamu kopa | zam u nju [u]pada. *** 95,0 — 100

18 Strpljen | spašen. *** 97,5 — 100

19 Bolje ikad | nego nikad. *** 95,0 — 100

20 Bolje išta, | nego ništa. *** 95,0 — 100

На этом мы закончим приводить результаты синхронного исследования⁴ и обратимся к некоторым вопросам диахронии.

6.5. Хорватские пословицы в исторической перспективе

Помимо вопросов, связанных с синхронным изучением известности пословиц, возникает также совершенно иной вопрос, касающийся возраста ныне общеизвестных пословиц. Одна из самых важных задач в этом отношении, как было показано на примере других языков, заключается в установлении даты первой публикации той или иной пословицы. Такие исследования, безусловно, могут пролить свет на историю традиции, однако они всегда должны основываться на материале текстов, зафиксированных и сохранявшихся в письменной форме. Подобный исторический обзор позволяет обнаружить много интересных фактов.

В связи с этим, конечно же, интересно отметить, что почти все из 20 рассматривавшихся нами пословиц⁵ имеют латинские параллели⁶, восходящие по крайней мере к средневековью⁷.

Не учитывая теоретических вопросов о пословице-образце и об эквивалентности пословиц, мы приводим ниже 20 изучаемых пословиц с их латинскими параллелями⁸.

Duga kosa kratka pamet.
Mulleres longam habent cesariem, brevem sensum. — 15364
[Mulleribus longam esse cesariem, brevem autem mentem.] —
38401a¹

Vuk dlaku mijenja, ali ćud[i] nikad [ne].
Lupus mutat pilum, non mentem. — 14117c
[Vulpem pilum mutare, non mores. — 37970, 37973b¹
Vulpes pilum mutat, non mores. — 44464c]

Hvali more, drž se kraja.
Fida terra, infidum mare. — 9435a, 36923

Dan se po večeri poznaje.
Diem vesper commendat. — 36266
[Quid vesper ferat, incertum sit. — 39857a7b
Nescis, quid vesper serus vehat. — 38720a1, 16542a
Nescis, quid serus vesper vehat. — 38720
Vespere laudare debet amena dies. — 33224]

Kako posiješ, tako ćeš [i] [po]ž[n]jeti.
Ut sementem feceris, ita metes. — 32558a
[Quae seminavit quisque, paulo post metet. — 39838q⁸]

Kakva majka, takva i kći [kćer].
Ut pater, ita filius; ut mater, ita filla. — 44140a2c

Koliko ljudi, toliko ćudi.
Quot homines, tot sententiae. — 26216, 40024
[Quot capita, tot sensus. 40018, 26211b]

Na [kroz] jedno uho ulazi, na [kroz] drugo izlazi.
Arripiunt aur[a]e quicquid stolidi sonat aure. — 1372

Kruška ne pada daleko od stabla.
Non procul a proprio stipite [stemma]e poma cadunt. — 18283,
38977g

U laži su kratke noge.
Nullum mendacium veterascit. — 39080
[Mendacium nullum senescit. — 14642a, 39080
Mendacia non habent pedes. — 38211]

Kako dođe, tako i [pr]dođe.
Male partum male disperit. — 14313
[Male parta, male dilabuntur. — 14311b]

Svaka ptica [k] svome jatu leti.
Aves concolores [Concolores aves] una vol[ut]ant. — 35098,
35616

Što trijezan misli, to pijan govori.
Ebrietas prodit, quod amat cor, sive quod odit. — 6883
[Ebrietas et amor secreta produunt. — 36512
Hircus quando bibit, que non sunt debita, dicit; cum bene po-
tatur, que non sunt debita, fatur. — 10955]

U muči se poznaju junaci.
Amicus certus in re incerta cernitur. — 34722a, 960

Tko visoko leti, nisko pada.
Quanto altius ascendit homo, lapsus quanto altius cadit. —
23584

[Humilis nec alte cadere nec graviter potest. — 11274
Quanto altior quis est, hoc fedius ruit. — 39840g¹]

Tko drugomu jamu kopa sam u nju [u]pada.
Incidit in foveam, quisquis prius effedit illam. — 12189
[In laqueos, quos posuere, cadunt. — 11799]

Strpljen spašen.
Patientia vincit omnia. — 20833f, 39415b1

Bolje ikad nego nikad.
Potius sero quam nunquam. — 22105a

Bolje išta, nego ništa.
Parum accipere plus est quam nihil omnino. — 3938911
[Mellus putatur aliquam partem, quam nullam attingere. —
38191]

Таким образом, у всех исследуемых общеизвестных пословиц
есть латинские параллели. Для других языков до сих пор не су-
ществует работ, которые базировались бы на экспериментальных
данных об известности пословиц в настоящее время. Однако
именно такие исследования, являясь примером диакронически

ориентированной семиотики культуры, позволяют получить представление о гомогенности или гетерогенности, общности или специфичности определенных культурных областей. На Балканах, например, огромное значение имело бы сравнительное изучение сербского и хорватского материала, очень важными могли бы оказаться здесь также проблемы общеевропейских, балканских и славянских пословиц (и, следовательно, культур). Экспериментальные исследования (т.е. филологические исследования, основанные на эмпирических данных) помогли бы решить многие вопросы без идеологических пристрастий.

7. Перспективы

Из этих соображений, как кажется, ясно, что теоретическое и практическое изучение пословиц, стоит только включить его в рамки семиотики культуры, далеко выйдет за пределы собственно паремиологии и фольклористики. Однако гораздо важнее то, какие могут вытекать из подобного изучения следствия для эмпирической, ориентированной на *синхронию* и *диахронию* семиотики культуры. Если согласиться с этой мыслью, то можно с помощью исследования пословиц вывести парадигмы семиотики культуры и, таким образом, создать эмпирическое направление этой науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Этим лицам во время опроса пословицы зачитывали вслух.
- 2 Конечно, систематический анализ всех встречающихся вариантов — особенно в соотношении с данными о возрасте, месте жительства, поле и т.д. опрашиваемых — сулит много выводов, не только о наиболее употребительных сегодня пословицах, но и о социальной, местной или возрастной специфике; однако такой анализ остался за рамками нашего исследования.
- 3 Поскольку все ответы в Загоре и (с единственным исключением) в Загребе содержали вариант "po jutru", эта версия была учтена (об этом подробнее см. Grzybek-Skağa-Bošnjak 1993).
- 4 О проблематике синхронного изучения текстов подробнее см. Grzybek-Skağa-Bošnjak 1993.

- 5 Единственное исключение составляет уже упомянутая выше пословица *Dobar dan se po jutru poznaje* [Хороший день узнают по утру], к которой нет латинской параллели. — Вандер (III 723/7) приводит ряд параллелей к похожей немецкой пословице *Am Morgen erkennt man den Tag*: албанскую *Хороший день показывается утром*, турецкую *День видно по рассвету*, итальянскую *Dal mattino si conosce il buon giorno* или *Il buon di comincia da mattina*. На слово *Tag* "день" Вандер приводит к нем. *Ein guter Tag fängt des Morgens* [Хороший день начинается с утра] помимо итальянского эквивалента *Il buon di conosce (comincia) da mattina* следующий комментарий: "Сербы в Герцеговине также говорят: Хороший день узнают по утру."
- 6 Разумеется, было бы бессмысленно приводить для сравнения латинские переводы пословиц, сделанные в изданиях конца XIX в. — что, впрочем, неоднократно встречается в исследованиях.
- 7 Латинские пословицы приводятся по изд. Вальтера (Walther 1963-67) и Шмидта (Schmidt 1982-86) *Proverbia sententiaeque Latinitatis medii aevi*.
- 8 Следующим важным вопросом был бы вопрос о (древне-)цареческих параллелях, который связан прежде всего с проблемой византийского влияния на Балканах; на эту тему существуют предварительные исследования Альтенкирха (Altenkirch 1908, и Касумовича (Kasumović 1911/12).
- 9 Altenkirch R. (1909) "Die Beziehungen zwischen Slaven und Griechen in ihren Sprichwörtern" // *Archiv für slavische Philologie*. Bd. 29, 1-47; Bd. 30, 321-364.

ЛИТЕРАТУРА

- Иванов-Топоров 1965 — *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. (Древний период). М.
- Пермяков 1971. — *Пермяков Г.Л.* Паремеиологический эксперимент. Материалы для паремеиологического минимума. М.

- Пермяков 1982 — *Пермяков Г.А.* К вопросу о паремииологическом минимуме // Словари и лингвострановедение. Под ред. Е.М.Верещагина. М. С. 131-137 [=On the Question of a Russian Paremiological Minimum // Proverbium. Yearbook of International Proverb Scholarship. Vol. 6. The University of Vermont. P. 91-102].
- Čerasskij 1968 — *Čerasskij M.A.* Versuch der Konstruktion eines funktionalen Modells eines speziellen semiotischen Systems (Sprichwörter und Aphorismen) // Grzybek 1984. S. 363-378.
- Daničić 1871 — *Daničić Gj.* Poslovice. Zagreb.
- Dutz-Schmitter 1986 — *Dutz K.D., Schmitter P.* (eds.) Geschichte und Geschichtsschreibung der Semiotik. Fallstudien. Münster.
- Eimermacher 1986 — *Eimermacher K.* (ed.) Semiotica Sovietica. Sowjetische Arbeiten der Moskauer und Tartuer Schule zu sekundären modellbildenden Systemen (1962-1973). Bd. 1, 2. Aachen.
- Eimermacher-Grzybek 1991 — *Eimermacher K., Grzybek P.* (eds.) Zeichen - Text - Kultur. Studien zu den zeichen- und kulturtheoretischen Arbeiten von V.V.Ivanov und V.N.Toporov. Bochum.
- Eimermacher-Grzybek-Witte 1989 — *Eimermacher K., Grzybek P., Witte G.* (eds.) Issues in Slavic Literary and Cultural Theory. Studien zur Literatur- und Kulturtheorie in Osteuropa. Bochum. [=Bochum Publications in Evolutionary Cultural Semiotics. Vol. 21].
- Fleischer 1991 — *Fleischer M.* Die Semiotik des Spruches. Kulturelle Dimensionen moderner Sprüche (an deutschen und polnischem Material). Bochum. [=Bochumer Beiträge zur Semiotik. Bd. 29].
- Grzybek 1983 — *Grzybek P.* Die Komposition der Detektiv Erzählung - Psychosemiotische Überlegungen zur Struktur 'ihrer' Spannung // Kodikas Code - Ars Semeiotica. 6, 3/4, 219-325.

- Grzybek 1984 — *Grzybek P.* (ed.) Semiotische Studien zum Sprichwort. Simple Forms Reconsidered I. Herausgegeben von Peter Grzybek und Mitarbeit von Wolfgang Eismann. Tübingen. [=Kodikas Code - Ars Semeiotica. 7, 3/4. Special Issue].
- Grzybek 1991 — *Grzybek P.* (ed.) Cultural Semiotics: Facts and Facets - Fakten und Facetten der Kultursemiotik. Bochum. [=Bochumer Beiträge zur Semiotik. Bd. 26].
- Grzybek 1984a — *Grzybek P.* Überlegungen zur semiotischen Sprichwortforschung // Grzybek 1984. S. 215-250.
- Grzybek 1984b — *Grzybek P.* How to do things with some Proverbs. Zur Frage eines parömisches Minimums // Grzybek 1984. S. 351-358.
- Grzybek 1986 — *Grzybek P.* Zur Entwicklung semiotischer Sprichwortforschung in der UdSSR // Dutz-Schmitter 1986. S. 383-409.
- Grzybek 1987 — *Grzybek P.* Foundations of Semiotic Proverb Study // Proverbium. Yearbook of International Proverb Scholarship. Vol. 6. The Ohio State University. P.39-85.
- Grzybek 1988 — *Grzybek P.* Sprichwort und Fabel. Überlegungen zur Beschreibung von Sinnstrukturen in Texten // Proverbium. Yearbook of International Proverb Scholarship. Vol. 5. The University of Vermont. P. 39-67.
- Grzybek 1989a — *Grzybek P.* Studien zum Zeichenbegriff der sowjetischen Semiotik (Moskauer und Tartuer Schule). Bochum. [=Bochumer Beiträge zur Semiotik. Bd. 23].
- Grzybek 1989b — *Grzybek P.* Invariant Meaning Structures in Texts (Proverb and Fable) // Eimermacher-Grzybek-Witte 1989. P. 349-389.
- Grzybek 1990 — *Grzybek P.* Kulturelle Stereotype und stereotype Texte // Koch 1990. S. 300-327.
- Grzybek 1991a — *Grzybek P.* Neurosemiotik - Kultursemiotik. Farbwahrnehmung und Farbbezeichnung als Beispiel eines integrativen Konzepts // Eimermacher-Grzybek 1991. S.97-186.

- Grzybek 1991b - Grzybek P. Textsemiotik: Semiotik des Textes? // Jachnow-Suprun 1991. S. 5-35.
- Grzybek 1991c - Grzybek P. Einfache Formen der Literatur als Paradigma der Kultursemiotik // Grzybek 1991. S. 45-61.
- Grzybek 1991d - Grzybek P. Sinkendes Kulturgut? Eine empirische Pilotstudie zur Bekanntheit deutscher Sprichwörter // Wirkendes Wort. 2. S. 239-264.
- Grzybek 1992 - Grzybek P. Probleme der Sprichwortlexikographie (Parömiographie): Definition - Selektion - Klassifikation // Meder-Dörner 1991. S. 195-223.
- Grzybek 1993 - Grzybek P. Empirische Kultursemiotik: am Beispiel der Sprichwortforschung // Semiotische Berichte (в печати).
- Grzybek-Chlostá 1993 - Grzybek P., Chlostá Ch. Grundlagen der empirischen Sprichwortforschung // Proverbium. An International Yearbook of Proverb Scholarship. Vol. 10. The University of Vermont (в печати).
- Grzybek-Chlostá-Roos 1993 - Grzybek P., Chlostá Ch., Roos U. Ein Vorschlag zur Klassifikation von Sprichwortvarianten bei der empirischen Sprichwortforschung // Sandig 1993.
- Grzybek-Škara-Bošnjak 1993 - Grzybek P., Škara D., Bošnjak Z. Der Weisheit der Gasse auf der Spur. Eine empirische Pilotstudie zur Bekanntheit kroatischer Sprichwörter // Zeitschrift für Balkanologie. 29 (в печати).
- Ihwe 1971 - Ihwe J. (ed.) Literaturwissenschaft und Linguistik. Bd. 2, Frankfurt/M.
- Jachnow-Suprun 1991 - Jachnow H., Suprun A.E. (eds.) Лингвистика текста - Textlinguistik. Минск.
- Jakobson 1960 - Jakobson R. Linguistik und Poetik. // Ihwe 1971. S. 142-178.
- Kányó 1981 - Kányó Z. Sprichwörter. - Analyse einer einfachen Form. Ein Beitrag zur generativen Poetik. Budapest; The Hague.

- Kasumović 1911/12 - Kasumović I. Hrvatske i srpske narodne poslovice spram grčkih i rimskih posloica i krilaticá // Rad JAZU. Knj. 189. S. 116-276; knj. 191. S. 68-264.
- Koch 1981 - Koch W.A. Poetizität. Skizzen zur Semiotik der Dichtung. Hildesheim; New York.
- Koch 1990 - Koch W.A. (ed.) Natürlichkeit der Sprache und der Kultur. Bochum. [=Bochumer Beiträge zur Semiotik. Bd. 18].
- Kohlschmidt-Mohr 1958 - Kohlschmidt W., Mohr W. (eds.) Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte. Bd. 1. Berlin, 21958.
- Lotman 1970 - Lotman Yu.M. Die Struktur des künstlerischen Textes. Frankfurt/M., 1973.
- Lotman-Uspenskij 1971 - Lotman Yu.M., Uspenskij B.A. Über den semiotischen Mechanismus der Kultur // Eimermacher 1986. S. 853-880.
- Meder-Dörner 1992 - Meder G., Dörner A. (eds.) Worte - Wörter - Wörterbücher. Vorträge im Essener Linguistischen Kolloquium 1983-1989. Tübingen.
- Mohr 1958 - Mohr W. Einfache Formen // Kohlschmidt-Mohr 1958. S. 321-328.
- Morris 1938 - Morris Ch.W. Grundlagen der Zeichentheorie. Frankfurt/M., 1979.
- Permjakov 1973 - Permjakov G.L. Zur Frage einer parömiologischen Ebene der Sprache // Grzybek 1984. S. 251-256.
- Permjakov 1979a - Permjakov G.L. Die Grammatik der Sprichwörterweisheit // Grzybek 1984. S. 295-344.
- Permjakov 1979b - Permjakov G.L. Universales Thematisches Verzeichnis // Grzybek 1984. S. 433-443.
- Sandig 1993 - Sandig B. Europhras 1992. Tübingen (в печати).
- Schmidt - Schmidt P.G. (Hrsg.) Proverbia sententiaque Latinitatis mediae aevi recentioris aevi // Lateinische Sprichwörter und Sentenzen des Mittelalters und der früheren Neuzeit in alphabetischer Anordnung. Bd. 1-3. Göttingen,

1982-1986.

Walther - Walter H. (Hrsg.) Proverbia sententiaque Latinitas
medii aevi // Lateinische Sprichwörter und Sentenzen des
Mittelalters in alphabetischer Anordnung. Bd. 1-5. Göttin-
gen, 1963-1967.

Wander 1867 - Wander K.F.W. Deutsches Sprichwörterlexikon.
Leipzig.

Wenzel 1990 - Wenzel P. 'Einfache Formen' - Ein Feld für die
Erkenntnis struktureller Stereotypen in der Literatur //

Koch 1990. S. 179-191.

P. Grzybek

EMPIRISCHE KULTURSEMIOTIK
AM BEISPIEL DER SPRICHWORTFORSCHUNG
Mit Ergebnissen einer explorativen Pilotstudie
zur Bekanntheit kroatischer Sprichwörter

Zusammenfassung

In diesem Artikel legen wir die Ergebnisse einer explorativen Pilotstudie zur Bekanntheit kroatischer Sprichwörter vor und stellen wir die Frage, welche weitreichende Konsequenzen sich aus der theoretischen und empirischen Sprichwortforschung für die synchron und diachron ausgerichtete empirische Kultursemiotik ergeben. Wenn ein Sprichwort als "Minimal-Modell" eines künstlerischen Textes und als "sekundäres modellierendes System" angesehen werden kann, dann lassen sich am Beispiel des Sprichworts bzw. der Sprichwortforschung in der Tat Paradigmen der Kultursemiotik ableiten.